

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНЫХ ВОПРОСАХ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Для складывающейся и развивающейся сегодня компаративистики в любом частном языкознании характерно использование более совершенных приемов реконструкции, операционных приемов проникновения в глубь истории языков. Использование только сравнительного приема не удовлетворяет современного исследователя-компаративиста. Современный сравнительный метод обогащен приемами исторических исследований. Широко привлекаются данные типологического анализа при освещении различных проблем сравнительной грамматики.

С помощью исторического метода мы сравниваем лишь элементы систем, но не можем сравнивать системы, их структуры в целом. Кроме того, эти элементы мы сравниваем односторонне, только с точки зрения их генезиса, но не их функции в современной системе языка. Исторический метод делает возможным сравнение элементов только родственных языков, восходящих к общему праязыку и принадлежащих одной языковой семье.

Типологическое языкознание сравнивает только различные системы, элементы которых, включенные в системы разной структуры, занимают по своей природе разное положение в их пределах и имеют вследствие этого различную функцию.¹ Однако использование данных типологических сходжений в частных языкознаниях, в конкретном случае тюркском, представляет немалые трудности. Они проистекают в значительной степени потому, что при всей развитости такой области языкознания, как типология, ее основные понятия и исходные принципы еще недостаточно определены.

При условии строгой дифференциации слова *типологический*, *типовой* с его синонимом *сходный* очень эффективно использование данных языкового типа в рамках родственных языков.

Так, например, реконструкция различных синтаксических единиц в тюркских языках в значительной степени облегчается тем, что все тюркские языки являются языками ярко выраженного агглютинативного типа.

Использование типологических черт особенно надежно, когда они являются продолжением типологических особенностей праязыка определенной семьи языков. Так, например, характерные типологические особенности тюркских языков являются продолжением типологических особенностей праязыка определенной семьи языков: они отражают особенности тюркского праязыка. Типологические приемы, работающие на материале группы родственных языков, помогают установлению относительной хронологии праязыковых архетипов, выделению ранних и более поздних праязыковых состояний.

Твердый закон порядка слов «определение + определяемое» проявляется в структуре всех синтаксических категорий. Любое словосочетание в тюркских языках строится по принципу «зависимый член + главный член», а в широком смысле это фактически «определение + определяемое»; ср.: азерб. *ялшы гыз* 'хорошая девушка' и *ялшы языр* '(она) хорошо пишет'.

Способность имен существительных выступать в роли определения и отсутствие согласования с определяемым явилось почвой для развития в тюркских языках особого типа словосочетаний — изафета. В конструкциях, относимых к I типу изафета, синтаксические отношения в которых связаны, основаны только на простом примыкании, развиваются адъективизированные сочетания слов типа тур. *demir kapı* 'железные ворота', каз. *ай жарық* 'луиное освещение'. Идущий процесс адъективизации в подобного рода сочетаниях слов сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя соотнесенности предметов — субстантивов. Случаи предпочтения I типа изафета II и III типам, значительная его развитость в таких языках, как кумыкский, чувашский, а также сам простейший способ выражения синтаксических отношений, на котором он основан, — примыкание — свидетельствуют о его древности и возможном отнесении к тюркской праязыковой общности.

На базе отношений «существительное + существительное» (т. е. определение + определяемое) развивались в тюркских языках притяжательные аффиксы, синтаксические конструкции по типу изафета II (ср. тур. *kebar kokuları* 'запахи шашлык', 'шашлычные запахи'). Тотальная распространенность во всех тюркских языках указывает на значительную архаичность II типа изафета, развивающегося на базе значения принадлежности. Об этом свидетельствует материал якутского языка (изафет II выражает отношение определяемого к определению по признаку принадлежности: *Куһи ата* 'лошадь человека'). Развитие значения родовой категориальности, естественно связанной с понятием неопределенности, происходит параллельно со становлением самой категории определенности/неопределенности, существующей в тюркских языках неизначально. Развитие III типа изафета, соотносимого с более поздним периодом тюркской праязыковой общности, связано с развитием категории определенности. Действием закона «определение + определяемое» объясняется типич-

ная для агглютинативных языков препозиция родительного падежа, имеющая в ряде тюркских языков артиклевые функции. Развитие III типа изафета приводило к некоторому разрушению первоначально тесно спаянных именных атрибутивных комплексов (ср. широкие возможности раздвижения у III типа изафета). Последнее создавало условия в тюркских языках для развития развернутых конструкций.

Конечная позиция глагола в тюркских языках и вытекающая отсюда препозиция дополнения, включая развернутые конструкции, продиктованы тем же законом порядка слов «определение + определяемое». Появление объектных конструкций с винительным падежом — явление, очевидно, более позднее, связанное с расчленением спаянного словосочетания, с историческим развитием категории определенности/неопределенности.

Закон порядка слов с сопутствующей ему постоянно действующей тенденцией расширять границы определения и строить все сложное по модели простого определил и развитие структуры предложения.

Таким образом, учет совокупности характерных, повторяющихся в группе языков признаков, составляющих их типовые особенности, помогает в сравнительно-исторических исследованиях.²

Наблюдения показывают, что вышеупомянутые типовые признаки тюркских языков не только пронизывает всю их структурную организацию, но и помогают выявлению сопряженных законов.

Так, например, закономерные особенности построения синтаксической структуры тюркских языков, отличающиеся большой устойчивостью, объяснимы и поддерживаются законами морфологической структуры слова; для морфологического типа тюркских языков, который принято называть агглютинативным, характерен такой аффиксальный тонус языка, который исключает возможность префиксов. Стандартная организация морфологической структуры слова и является основой для постоянно действующего закона «определение + определяемое» (ср. тур. *evin içinde* 'в доме' букв. 'дома во внутренней части его'). Это образование, в котором второй член выражает релятивное отношение, является зародышем конструкции «определение + определяемое». Расположение аффиксов в структуре слова тоже основано на законе «определение + определяемое». Порядок размещения слов и словообразовательных аффиксов идет в плане коллокации, причем фактор нарастания абстрактности распространяется и на словообразовательные элементы, и на сложение слов. Аксиальная структура парадигмы вызвала необходимость появления аффиксов-прилеп, обеспечивающих четкость границ между морфемами. Отсюда скудность дифтонгов, а также наличие дополнительного ударения и гармонии гласных и т. д.

Наилучшим доказательством преемственности типологических черт от праязыка является возможность такого доказательства

родства отдельных показателей путем этимологизации со строгим соблюдением законов сравнительно-исторического метода. В алтаистической литературе наблюдаются случаи, когда типологическое сходство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других алтайских языков принимается за генетическое родство. Все противоречия алтайской гипотезы, возникшей в основном на базе трудов Г. И. Рамstedта, П. И. Поппе и др., происходят по двум причинам: 1) нечеткое соблюдение законов сравнительно-исторического метода при реконструкции алтайского архетипа, 2) отсутствие четко выработанной методики при дифференциации истонно генетических корней и заимствованных.

Большая степень сохранности сходно звучащих тюркских и монгольских слов содержит косвенное свидетельство об отсутствии их материального родства, поскольку одним из условий сравнительно-исторической грамматики генетической группы языков является то, что родственные слова этой группы языков никогда не находятся на одном и том же уровне сохранности. Ср., например, монг. *жил* 'год', каз. *жыл*, кирг. *жыл*, тат. *ел* (*йыл*) и т. д. Монгольские архетипы обычно не дают никаких дополнительных данных для усовершенствования тюркских архетипов, тогда как известно, что родственные слова в индоевропейских языках такие дополнительные данные могут дать.

Так, например, монг. *эр 'мужчина' не может быть использовано для установления архетипа этого слова, который звучал как *эр, ср.: азерб. *эр*, тат. *ир*. Или ср.: в тюркских языках есть деепричастие на *-гач*, ср. тат. *алгач* 'взяв' и т. д. Г. Рамstedт сравнивает его с монгольским деепричастием прошедшего времени на *-гад*, например: *jabugad iɣebeɪ* 'пошедши я вернулся'.³ Вряд ли между ними есть что-либо общее. В тюркских языках элемент *-ч* в конце деепричастия на *-гач* скорее является окончанием древнего направительного падежа на *-ча*; *килгач* некогда означало 'к приходу'. В монгольском языке *д* — это, по-видимому, окончание направительно-местного падежа на *-д*. Различие значений может указывать на то, что, например, два сходно звучащих форматива генетически не родственные. В алтаистической литературе есть гипотеза, связывающая тюркск. *-дык* с монгольским *-даг/-дег* — окончанием причастия настоящего времени со значением привычного действия (*nomen usus*). Подкрепляющим фактором этой гипотезы считается наличие в якутском показателя *-тах ~ -läh* (*-дах ~ -däh*).⁴ Однако данную гипотезу нельзя считать доказанной. Если можно обосновать фонетические соответствия тюркских и монгольских аффиксов, то сложнее обстоит с семантическими оттенками — они у этих аффиксов не совпадают. Тюркск. *-дык* обозначает прошедшее (несовершенное), а монг. *-даг/-дег* выражает настоящее время (привычное). Возможность перемещения таких значений еще достаточно не обоснована. Ср. еще гипотезу об алтайском происхождении аффикса *-ти* (в образовании *-дачи/-тйчи*), этимологически связанного с отглагольными именами *-ти* и *-та*, представленными в монгольских, тунгусо-маньч-

журских и корейском языках.⁵ Однако это гнездо отглагольно-именных образований объединяет в названных алтайских языках аффиксы столь разнохарактерные по своей семантике, что трудно установить преемственность в их семантическом развитии, а также само материальное родство (ср. декларатив (инфинитив и индикатив) *-та* в корейском, супин *-дä* в тунгусском, имя на *-да* в монгольском и т. д.). Поэтому вызывает большие затруднения объяснение *-дачи*, *-тäчи* в масштабе алтайских языков без предварительных специальных разработок.

В последние годы появились продуктивные попытки установить критерии дифференциации генетических и типологических сходжений тюркских и монгольских языков. И в качестве одного из веских, с нашей точки зрения, критериев предлагается неразвитость лексико-семантических гнезд как один из признаков заимствованного слова.⁶

Следует учитывать случаи, когда определенный тип языка (ср. агглютинативный) может порождать сходные особенности в языках в самых различных точках земного шара (ср. тенденцию на устранение придаточных предложений европейского типа, характерную для многих агглютинативных языков — от тюркских, уральских, тунгусо-маньчжурских до дравидийских языков и др.). Если сходные черты возникли спонтанно, то всякое утверждение о генетическом родстве не будет иметь достаточных оснований. Общие черты, возникшие спонтанно, не поддаются этимологизации. Необходимо строгое разграничение случаев конвергенций — сходных типовых особенностей (ср. *изафет* в тюркских и венгерском языках и др.).

Современные языки могут сохранить типовые особенности праязыка, и при этом может возникать типологическая инерция. Последняя сводится к тому, что сохраняется тенденция к созданию определенного типа, но средства ее осуществления обновляются (ср. способы сокращения придаточных предложений, которые в тюркских языках не являются абсолютно одинаковыми). При типологической инерции сами средства могут не обнаруживать генетического родства. В качестве сложного случая можно назвать такой: генетическое родство между языками почти утратилось, однако типовая инерция в них продолжается, осуществляясь разными средствами (ср. палеоазиатские языки).

Таким образом, языковой тип обнаруживает достаточную устойчивость. Материально языки изменяются быстрее своей типологической структуры. В некоторых тюркских языках (ср. азербайджанский) тенденция на сокращение придаточных предложений значительно уступила место появлению придаточных предложений европейского типа с союзами, однако реликты прежнего состояния довольно устойчивы (ср. позицию слова *ки* и др.).

Типовые особенности могут быть результатом усвоения. Исследователи отмечают поразительное сходство моделей сложных глаголов в бенгальском с моделями сложных глаголов в дравидийских языках. В результате влияния различных индоевропейских

языков синтаксис таких финно-угорских языков, как венгерский, финский, эстонский, саамский, мордовский и коми-зырянский, приобрел типологические черты синтаксиса индоевропейских языков. В качестве методического руководства при этом могут быть: а) знание предыдущего состояния данного языка, его семьи и б) наличие в географической близости языков другого типа, с которыми было возможно контактирование.

II. Проблема определения кыпчакизов в тюркских языках — один из вопросов, создающих трудности при изучении истории тюркских языков, в особенности языков Причерноморья и Кавказа. Так, например, зарегистрированный в азербайджанском, турецком и туркменском языках пласт общих «кыпчакизов», которые повторяют кыпчакизмы тюркских языков таких территориально удаленных ареалов, как Средняя Азия и Поволжье, свидетельствует о том, что эти кыпчакизмы являются исконными, изначальными. От них следует отличать кыпчакизмы, приобретенные в результате вторичных контактов в благоприятных географических условиях. Так, например, ряд кыпчакизов в туркменском языке мог быть усвоен от соседних языков — узбекского, каракалпакского и др. Типично среднеазиатская форма настоящего времени на *-а* в сочетании со вспомогательными глаголами не характерна для диалектов азербайджанского и турецкого языков; ср. также лабиализованные согласные ногайско-казахского типа, форму прошедшего времени на *-ужы* (каз. *-уші*), многочисленные формы хронологически более поздних причастий: *-(а)ду:рон/- (а)до:рон* (ср. тат. *-атурган*), деепричастия *-ганча*, *-галы* и т. д.

Примером кыпчакизов, приобретенных в результате вторичных контактов, могут быть и такие, как изоглосса с показателем *-сығыз* (2-е л. мн. ч.), которая объединяет северные районы Азербайджана с соседними районами распространения кумыкского языка — показатель *-гиз/-ғыз* в качестве личного аффикса 2-го л. мн. ч. в сфере прошедшего времени широко употребителен в кумыкском языке.

Сравнительно-исторические разработки при опоре на данные ареальных исследований дают некоторые основания предполагать, что эпохе относительно сформировавшихся так называемых огузских и кыпчакских языков предшествовало общетюркское как бы доогузо-кыпчакское состояние. Процедура реконструкции на всех языковых уровнях подтверждает этот тезис.

Древние причастия эпохи тюркского праязыка существенно отличались от тех причастий, которые мы наблюдаем в современных тюркских языках. Они не имели временной и залоговой дифференциации и, скорее, были отглагольными прилагательными. Отглагольные прилагательные этого типа обозначали какое-либо свойство, присущее глаголу, например результативность действия. Реликты такого причастия — отглагольного прилагательного (реже существительного) представлены во всех тюркских языках, как огузских, так и кыпчакских. Так, например, харак-

терная для современных кыпчакских языков форма *-қан/-ған* реликтивно сохраняется в огузских языках. Ср. тур. *чалышкан* 'работающий' (от *чалыш-* 'работать'), *курған* 'крепость' (от *кур-* 'строить'), азерб. *гудурған* 'бешеный' (от *гудур-* 'взбеситься'), *jarған* 'овраг' (от *jar-* 'рассекать'). А характерная для огузских форма *-мыш* реликтивно сохраняется в кыпчакских языках; ср. тат. *търмъш* 'жизнь' (от *тър-* 'жить'), *ја₀змъш* 'судьба' или 'нечто предписанное' (от *ја₀з-* 'писать'), узб. *ўтмиш* 'прошлое' (от *ўт-* 'проходить' и т. д.).

Можно предположить, что кыпчакские и огузские языки образовались не путем распада какого-то единого языка, а путем отстаивания тех или иных по преобладанию черт в определенных географических условиях. Отстаиванию черт предшествовали многочисленные и сложные процессы миграционного разноса смешанных черт и распределения их по огромной территории от Енисея до Босфора.

В отдельных географических районах шли процессы отстаивания черт, процессы формирования отдельных национальных языков; эти процессы нельзя считать окончательно законченными. Кыпчакские языки как бы более чисто отслоились в менее изолированных условиях.

Можно говорить о кыпчакском (условно) колорите казахских, ногайских, татарских диалектов, хотя в недрах этих языков содержатся огузизмы (ср. наличие в сфере словообразовательных элементов формы *-мыш* в башкирском *язмыш* 'судьба', хотя в глагольной системе в качестве перфекта отстоялась форма *-ған* и т. д.).

Огузированные черты уже сложились в некоторых диалектах на территории Средней Азии (ср. ранние енисейско-орхонские памятники, диалекты узбекского языка — формы род. пад. *-ын*, дат. пад. *-а* и т. д.).

Приемы ареальных исследований помогают выявить огузированную направленность азербайджанско-турецко-туркменских типовых признаков. Можно предположить, что сельджукская языковая волна (включающая и так называемые кыпчакизмы) была разнесена западной миграцией по обширной территории, включая современные Туркмению, Азербайджан, Турцию.

Доказательством этого предположения является то, что помимо общеизвестных отстоявшихся огузированных черт между азербайджанским, турецким, туркменским языками выявляются изоглоссы общих кыпчакизмов, отражающих раннее состояние тюркских языков, отличающееся смешанностью (термин условный), т. е. пестротой черт. Ср. например: а) в диалектах азербайджанского, турецкого, туркменского языков зарегистрированы факты веляризации гласных — более задней их артикуляции (т. е. гласные кыпчакского типа *ó, ú* и др.); б) в диалектах этих языков наблюдается фонетическое явление оканья; в) островками сохранился заднеязычный смычный *ɟ*, свойственный языкам так называемого кыпчакского типа; г) при значительном удельном весе озвонченного анлаута островками встречается глухой анлаут —

реликт раннего состояния тюркских языков, а вибрация глухой ~ звонкий анлаут отражает процессы отставания черт в определенной территориальной общности; во всех тюркских языках наблюдается двойное отражение многих корней, в одних случаях с начальным глухим, в других — с начальным звонким; д) в диалектах всех трех языков зарегистрированы процессы сужения гласных, что особенно характерно для кыпчакских языков; е) в диалектах этих языков наблюдается вибрация показателей мн. числа -к и -з, -сиз и -синиз; ж) наличие так называемой общекыпчакской формы настоящего времени на -а; з) в диалектах всех трех языков функционирует винительный на -ы и -ны, дательный на -а и -га и т. д.

При отставании национальных черт отдельных тюркских языков на определенной территории островками могут сохраняться в одних случаях кыпчакизмы, в других — огузизмы и как следы изначально (смешанного) не отстоявшегося состояния тюркских языков и как следы многослойных миграционных процессов. Ср. форму настоящего времени -ат, локализованную только в северных говорах (дербентском говоре) азербайджанского языка, форму деепричастия -гач, локализованную только в айрумском говоре.

Выделяя в современных так называемых огузских языках кыпчакизмы, необходимо учитывать их неоднородный характер и различать: 1) исконные кыпчакизмы, 2) кыпчакизмы, контактно приобретенные в благоприятных географических условиях; 3) кыпчакизмы как результат влияния литературных языков через поэзию (ср. язык предшественников Навои); 4) ложные кыпчакизмы как результат процессов конвергентного самостоятельного развития, как результат случайных совпадений. Для правильного ограничения вышеназванных кыпчакизмов необходима четкая и строгая методика. Такая методика должна опираться на целый комплекс приемов лингвистического анализа.

Одними из важнейших являются генетические приемы, выявляющие внутрисистемные особенности языка, однотипные по своему характеру процессы, дающие одинаковые результаты и проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира.

Параллельные явления, зарегистрированные в различных тюркских языках, могут и не служить подтверждением их генетической общности. Поэтому при выявлении кыпчакизмов в современных отстоявшихся огузских языках следует учитывать, что в тюркских языках, как и других языках мира, совершается масса конвергентных процессов благодаря наличию фреквенталей, т. е. потенциально возможных изменений звуков.

Процессы делабиализации, спондантизации и др., зарегистрированные в диалектах азербайджанского, турецкого, туркменского языков, отражают конвергентные изоглоссные явления. Они встречаются в тюркских языках и других географических ареалов.

Сам по себе конвергентный процесс может вызвать сгущение изоглос в определенных географических условиях, в соседстве с языками, для которых этот процесс характерен и является системно обусловленным. Характерным признаком параллельных конвергентных явлений, помимо их территориальной удаленности (ср. явления сужения гласных в азербайджанском и татарском языках), является различная системная обусловленность этих явлений. Так, например, сужение гласных в татарском языке сопровождалось появлением редуцированных. В азербайджанском же языке сужение гласных не предполагает этого фонетического процесса. Изменение $k > x$ в чувашском языке иногда приводило к переходу заднебных редуцированных в переднебные редуцированные (тат. *кыш* > чув. *хӗл* 'зима'). В якутском, как и в азербайджанском (для которого $k > x$ характерно для всех позиций слова), нет такой взаимообусловленности, так что фонетические процессы изменения $k > x$ в этих языках несинхронны. Синхронность и системная обусловленность характеризуют зональные изоглоссы, возникшие в рамках отдельных общностей. Например, изоглоссами являются переходы $ч > ш$ и $ш > с$. Они особенно характерны для микроареала, включающего казахский, каракалпакский и ногайский языки. Это явление для данного ареала отстоялось в доминантный признак.

Фонетический, морфологический и синтаксический строй тюркских языков способствует совпадению изоглоссных явлений, т. е. их общность обусловлена самой типологической структурой тюркских языков, помимо того что внутри них действовали фреквенталии.

В рамках той или иной генетической группы конвергенции сдерживаются рамками языковых данных. Поэтому в тюркских языках не может возникнуть аналитический строй, невозможно тотальное выражение придаточных предложений европейским способом союзной связи. Изменения в диалектах тюркских языков подчиняется фреквенталиям, и вместе с тем известная перегруппировка данных создает тип языка, а фактически нередко двойной и тройной тип языка.

Изоглосные явления, зарегистрированные как реликты древнего состояния тюркских языков — ранние кыпчакизмы, могут быть одновременно миграционными, т. е. они являются результатом исторических миграционных потоков (ср. форму настоящего времени *-ат* в дербентском говоре или форму деепричастия *-гач* — в айрумском говоре азербайджанского языка). Такой же исконный характер носят и следующие кыпчакизмы в современных огузских языках (азербайджанском, турецком, туркменском) — форма настоящего времени на *-а*, причастие *-ган*, дат. пад. на *-га* и т. д.

Таким образом, при выявлении исходных кыпчакизмов необходимо использовать приемы ареальных исследований, учитывающих признаки конвергентных явлений — территориальную удаленность и несинхронность возникновения явления, а также раз-

личные приемы лингвистического анализа — только в этом случае, т. е. при использовании комплексной методики, возможно преодоление целого ряда трудностей сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983, с. 285—286.

² См.: *Ярцева В. Н.* О принципах морфологического типа языка. — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965, с. 109; *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка, с. 287—295.

³ *Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 140.

⁴ *Серебренников Б. А.* Являются ли тюркско-монгольские параллели средством проникновения в глубину истории тюркских языков? — СТ, 1980, № 6, с. 30; см.: *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 293—294.

⁵ *Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание, с. 112—114.

⁶ См.: *Серебренников Б. А.*, *Харькова С. С.* О некоторых эффективных методах исследования проблемы родства тюркских и монгольских языков. — СТ, 1983, № 5.